

Научная статья

УДК 355.013

DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-4-69-79

**Информационно-ментальный и социально-эволюционный
контексты динамики войны и мира****Николай Сергеевич Розов***Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск, Россия*
nrozov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2362-541X>

Первые десятилетия XXI в. отмечены процессами турбулентности, множественными напряжениями и драматическими событиями. В этом контексте особенно значимую роль обретают вопросы геополитики, войны и мира. Цель статьи – на основе синтеза и уточнения фундаментальных концептов и принципов социальной антропологии, психологии, социологии, политических наук представить целостную динамическую модель факторов возникновения, эскалации и прекращения войн, их макросоциальных последствий. С учётом этих положений дать теоретические ответы на фундаментальные вопросы о причинах войны. Исследование опирается на следующие методы: анализ и синтез, концептуальная проработка базовых понятий из разных сфер социального и гуманитарного знания, формулирование и обоснование фундаментальных принципов динамики войны и мира, теоретическое осмысление разнородных эмпирических обобщений. Войны всегда связаны с заботами и социальными универсалиями: насилие/безопасность, власть-могущество, ресурсы-богатство и престиж-легитимность. При этом войны тройственным образом связаны с информацией, когнитивными процессами, а в современном мире – с новыми медиа и технологиями пропаганды. Властные решения о применении военной силы, ведущие к войнам, принимаются на основе «быстрого» или «медленного» мышления по Канеману. Сам ход войны, кроме «материальной» составляющей мобилизации, взаимных разрушений, всегда включает борьбу воли – попытки каждой стороны навязать противнику ритуальный сценарий неминуемости его поражения. Итоги войны всегда являются предметом борьбы их интерпретаций и нарративов со стороны сильнейших послевоенных политико-идеологических сил. С учётом этих положений представлена специфическая роль войны в коэволюции социальных, ментальных и техноприродных порядков. Построенный концептуальный аппарат, сформулированные принципы и идеи целостной динамической модели возникновения, протекания и завершения войн предназначены для более глубоких теоретических и эмпирических исследований в этой важной и актуальной предметной области. Кроме того, они должны способствовать анализу, проектированию и реализации таких объективных и субъективных условий, которые пусть не обеспечат пресловутый «вечный мир», но сведут к минимуму факторы возникновения новых войн.

Ключевые слова: безопасность, информационные аспекты войны, военная пропаганда, социальная эволюция, социальные порядки, факторы возникновения войн

Original article

Information-Mental and Socio-Evolutionary Contexts of the Dynamics of War and Peace**Nikolai S. Rozov***Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia*
nrozov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2362-541X>

The first decades of the XXI century are marked by processes of turbulence, multiple tensions and dramatic events. In this context, the issues of geopolitics, war and peace play a particularly significant role. On the basis of synthesis and clarification of fundamental concepts and principles of social anthropology, psychology, sociology, political sciences, we present a holistic dynamic model of factors of emergence, escalation and termination of wars, and their macro-social consequences. Taking into account these provisions, we provide theoretical answers to fundamental questions about the causes of war. The study is based on the following methods: analysis and synthesis, conceptual study of basic concepts from different spheres of social and humanitarian knowledge, formulation and substantiation of fundamental principles of war and peace dynamics, theoretical comprehension of heterogeneous empirical generalizations. Wars are always related to concerns and social universals: violence/security, power-power, resources-wealth, and prestige-legitimacy. At the same time, wars are triply related to information, cognitive processes, and, in the modern world, new media and propaganda technologies. Powerful

decisions on the use of military force, leading to wars, are made on the basis of “fast” or “slow” thinking according to Kahneman. The course of war itself, apart from the “material” component of mobilization and mutual destruction, always includes a struggle of wills – attempts by each side to impose a ritual scenario of the inevitability of its defeat on the enemy. The outcome of the war is always the subject of a struggle of interpretations and narratives on the part of the strongest post-war political-ideological forces. The specific role of war in the co-evolution of social, mental and techno-natural orders is presented with these provisions in mind. The constructed conceptual apparatus, formulated principles and ideas of the holistic dynamic model of the emergence, course and termination of wars are intended for deeper theoretical and empirical research in this important and relevant subject area. In addition, they should contribute to the analysis, design and implementation of such objective and subjective conditions that will not ensure the proverbial “eternal peace”, but will minimize the factors of new wars.

Keywords: security, information aspects of war, military propaganda, social evolution, social orders, factors of wars

Введение. Начало нового века и тысячелетия, на которые возлагалось много надежд, связанных с глобализацией и всеобщим мирным прогрессом, обернулось процессами турбулентности, множественными напряжениями, драматическими событиями, обострением конфликтов, углублением прежних линий отчуждения и возникновением новых очагов конфронтации. В этом контексте особенно значимую роль обретают вопросы геополитики, войны и мира. Обилие и разнообразие концепций, подходов в мировой науке не столько проясняет, сколько затрудняет ясный взгляд на происходящее и дальнейшие перспективы. Необходима работа по философскому и теоретическому обобщению наиболее конструктивных моделей и достигнутых результатов исследований.

Методология и методы исследования. Задача статьи состоит в том, чтобы представить целостную динамическую модель факторов возникновения, эскалации и прекращения войн, их макросоциальных последствий на основе синтеза и уточнения фундаментальных концептов и принципов социальной антропологии, психологии, социологии, политических наук. С учётом этих положений попробуем дать теоретические ответы на фундаментальные вопросы о причинах войны. Теоретическая методология включает анализ и синтез, концептуальную проработку базовых понятий из разных сфер социального и гуманитарного знания, формулирование и обоснование фундаментальных принципов динамики войны и мира, теоретическое осмысление разнородных эмпирических обобщений.

Результаты исследования и их обсуждение. *Войны как особые ответы на вызовы.* Чреватый войной конфликт имеет место тогда, когда возникают, становятся известны намерения или действия хотя бы одной стороны, которые воспринимаются

другой стороной как причинение ущерба для её забот, как препятствие для осуществления своих забот развития или расширения (собственных *вызовов-возможностей*), причём среди доступных вариантов ответов есть организованное вооружённое насилие, а мирные варианты по каким-то причинам невыгодны, нежелательны или вовсе неприемлемы.

Таковым провоцирующим действием могут быть прямые попытки захватить землю, людей или ресурсы, прогнать с земли или подчинить, появление с оружием и даже без оружия на территории, которую другая сторона считает своей, тем более начало какой-то деятельности, особенно строительства, на этой земле. Оскорбления извне, наносящие ущерб достоинству, либо высказывания внешних агентов, порочащие местные святыни, вполне могут стать спусковым крючком для начала военных действий

Поскольку *предмет заботы* представляется в форме переменного параметра – шкалы с зонами приемлемых значений, то *вызов-угроза* является воздействием, которое выводит или способно вывести эти значения за пределы этой зоны. Иначе говоря, *вызов-угроза* – это такое проявление *напряжения*, которое наносит ущерб или воспринимается как вероятное нанесение ущерба для *предмета* той или иной *заботы*, т. е. выведение значений *гомеостатической переменной за пределы приемлемости*.

Допустим, в состав забот некоего сообщества входят контроль над территорией (исключительный доступ к ней), безопасность самих членов сообщества, сохранность их ресурсов (запасов, жилищ, инфраструктуры, производств) и доступ к ним, защищённость своих святынь (например, религиозных) от каких-либо оскорблений.

Ответ на вызов-угрозу обычно состоит в действиях, направленных на устранение угрозы. Тогда реальный, ожидаемый или ка-

жушийся нанесённый извне ущерб для любого из этих предметов забот вполне может вызвать такой ответ – агрессивные вооружённые действия, направленные на реальные или предполагаемые источники угрозы, что способно стать началом войны.

Кроме того, на той же шкале обычно располагается другая зона – желаемых, привлекательных для актора значений (больше могущества, больше ресурсов, больше престижа и т. п. [1]). Соответственно, *вызов-возможность* (или *вызов-соблазн*) определяется как новые или ставшие известными актору обстоятельства, открывающие ему привлекательные перспективы, что позволяет ставить конкретные практические цели для достижения новых привлекательных значений в шкале своего значимого предмета заботы.

Наиболее перспективным представляется использование на разных уровнях анализа принципов позитивного и негативного подкрепления Торндайка – Скиннера в отношении ответов на вызовы [2]. Отметим, что эти принципы работают в широком спектре: от индивидуального до международного масштабов, от ситуативных реакций до учёта длительного исторического опыта. Типы подкрепления соответствуют успехам и провалам. В обсуждаемой конструкции успехи и провалы относятся к *заботам* как долговременным и деятельно обеспечиваемым интересам, которые всегда связаны с веберовскими универсалиями: могущество/безопасность, власть-доминирование, престиж-достоинство-легитимность, богатство-ресурсы-доступ к ресурсам, причём приоритетность соответствующих забот меняется как в долгой социальной эволюции, так и в краткосрочной динамике взаимодействий.

Вообще говоря, *изменчивая приоритетность забот* вполне может претендовать на роль общей основы многих объяснительных принципов. Диагностировать эту приоритетность можно через сравнительный анализ вкладов (инвестирования) субъектами ресурсов, сил, времени на обеспечение каждой заботы. Значимость разных забот также может быть реконструирована через выявление их признаков в главных поступках и решениях субъекта, в красноречивых умолчаниях, в произвольном выражении эмоций государственными лидерами, политическими деятелями, когда они стал-

квиваются с ущемлением забот или новых возможностей для их обеспечения. Воспринимаемая и выражаемая вовне опасность рисков, готовность на трату ресурсов и на новые риски прямо пропорциональны уровню приоритетности угрожаемой заботы.

Спиральная динамика возникает, когда *усиление агрессивности ответа каждой стороны отвечает её заботе, ставшей ситуативно приоритетной*: не остаться униженным, не показаться сдавшимся и слабым, не остаться беззащитным перед преимуществом первого удара. При достижении определённого предела агрессивности, когда растут унижительность для противника, опасность используемого оружия, масштаб разрушений и количество жертв от первых ударов, вступление в большую войну становится вероятной перспективой. В таких обстоятельствах актуализируется забота сохранения и усиления государства (населения, территории, экономики, статуса среди других государств).

Информационные и медийные аспекты войн. Во-первых, властные решения о применении военной силы, ведущие к войнам, принимаются на основе «быстрого» или «медленного» мышления по Канеману, причём вызовы-угрозы и вызовы-возможности, ведущие к таким решениям, имеют информационную природу, воспринимаемую правителями и элитами через призму их ментальных установок. Пользуясь *медленным мышлением* по Д. Канеману, терминальные акторы принимают в расчёт опыт прежних войн, известное им соотношение сил, ожидания масштаба и темпа поддержки со стороны союзников для обеих сторон, вероятные издержки в главных аспектах и т. п. [3]. Такие расчёты вполне могут предостеречь акторов от дальнейшей эскалации действий, чтобы обоим противникам не свалиться в большую войну с огромными жертвами и чрезмерными рисками. Вероятность войны резко снижается, когда под влиянием тревожных расчётов противникам удаётся наладить коммуникацию, обсудить способы преодоления роста напряжения и рисков.

Однако даже при режиме *медленного мышления* могут совпасть многие факторы, повышающие вероятность войны: долговременная вражда, исключая установление доверия, опыт недавних военных побед, искажение восприятия с иллюзиями близкой лёгкой победы, возможности атаковать «чу-

жими руками», страх стать жертвой первого удара, ведущий к решению о превентивном нападении, ставшее неприемлемым выполнение невыгодных обязательств.

Спиральная динамика с большей вероятностью ведёт к войне, когда на обеих сторонах преобладает *быстрое мышление* по Канеману, особенно если агрессивное действие становится ответом на вызов-возможность избежания большого ущерба для актуально приоритетной заботы.

Во-вторых, сам ход войны, кроме «материальной» составляющей мобилизации, взаимных разрушений, всегда включает борьбу воле – попытки каждой стороны навязать противнику ритуальный сценарий неминуемости его поражения. Хорошо известно огромное значение для хода войны «боевого духа» и «чувства моральной правоты». Именно на ментальные установки военных и гражданского населения каждой стороны направлена ожесточённая пропагандистская борьба.

Обычно речь идёт о боевом духе рядовых и младших офицеров, однако ментальное состояние, волевые черты, способности военачальников и политического руководства имеют не меньшее значение. Ход войны во многом зависит от успеха манёвров и контрманёвров, а творческие способности военачальников определяются не только полученной ранее квалификацией, но и тем самым «духом» и энергией, питаемой чувством моральной правоты.

Материальные военные ресурсы (качество и количество вооружений, боеприпасов) каждой стороны при затяжной войне, в свою очередь, зависят от способности политического руководства наладить военное производство и/или получать эти ресурсы от союзников и партнёров. Эффективность этой деятельности, убедительность администрирования и дипломатии опять же во многом определяются ментальными установками лидеров, а они зависят от информационного и медийного потока. Именно этим объясняется ожесточённость и затратность попыток каждой стороны убедить мировое сообщество в своей правоте, мощи, закономерных победах над злонамеренным и внутренне слабым противником.

Кроме «тумана войны», неизбежных искажений информации, прямых обманов, сами события на фронте представляют собой информационный обмен, когда итоги

каждого крупного наступления или контрнаступления, значительные поражения и победы, которые уже нельзя скрыть, проясняют реальную, не прокламируемую расстановку сил.

В-третьих, итоги войны всегда являются предметом борьбы их интерпретаций и нарративов со стороны сильнейших послевоенных политико-идеологических сил как на стороне проигравших (поиски виновников, предателей), так и на стороне победителей (прославление своих лидеров, религиозных святынь, идеологических ценностей как главных факторов победы).

Предварительные ответы на фундаментальные вопросы. Д. Леви и У. Томпсон разделяют вопрос о причинах войны на три разных, но пересекающихся вопроса:

«(1) что вызывает постоянное повторение войн?

(2) что вызывает вариации войны и мира или при каких условиях возникает война?

(3) что вызывает конкретные войны?» [4, с. 217].

Разумеется, на первые два вопроса можно ответить только на уровне весьма высокой абстракции и обобщения. Вряд ли попытка может быть полностью успешной и исчерпывающей, но она должна быть сделана.

Войны до сих пор постоянно возобновляются вследствие совместного действия следующих обстоятельств:

– в отношениях между политиями (теперь преимущественно государствами) и внутри них всегда возникают, с тем или иным успехом обеспечиваются *заботы укрепления власти, легитимности правителей и режимов, властных элит;*

– эти заботы обычно тесно связаны с *символами исторической памяти* в массовых мировоззрениях населения этих государств (идентичностями, святынями), а также со *статусом государства* среди других государств, с *позициями деловых и общественных структур на внешних экономических и культурных рынках;*

– вследствие неравномерного развития обществ всегда есть объективный и/или субъективный *дисбаланс сил*, приводящий к таким *вызовам-возможностям* одних акторов, риторика или действия которых становятся *вызовами-угрозами* для вышеуказанных *забот* других акторов;

– вызовы-угрозы для легитимности правителей и элит, для крепости режимов

также возникают вследствие *напряжений во внутренней социально-политической динамике*, где свои акторы (актуальные или потенциальные контрэлиты) получают *вызовы-возможности для перехвата власти*;

– среди известного и доступного *арсенала ответов* на внешние и/или внутренние вызовы терминальных акторов государств (обычно в лице правителей, формально и неформально институционализированных элит) есть *вооружённые акции* со стремлением получить или возратить доступ к новым ресурсам или контроль над ними, а также разные формы *давления, силового воздействия* на соседей, конкурентов, что становится *вызовами-угрозами* для них;

– такие опции ответов наиболее привычны и легко актуализируемы в *диадных отношениях вражды* из-за прошлой истории конфликтов и войн, спорных территорий, соперничества в экономике, *взаимного неприятия* в сферах религии, идеологии и морали;

– военно-политические союзы, доминирующие коалиции сами становятся *факторами вызовов-соблазнов для их членов*, что провоцирует их на военные действия;

– в настоящее время оборонительные союзы, принятые правила сохранения мира, недопущения агрессии не являются достаточно распространёнными и *обеспеченными силой*, т. е. риски, угрозы противодействия инициаторам вооружённых конфликтов *слишком слабые*;

– вследствие указанных причин терминальные акторы способны отвечать на неприемлемые для них вызовы-угрозы, на привлекательные вызовы-возможности провокациями, концентрацией сил у чужих границ, мобилизацией, наконец, вооружёнными атаками, вторжением, что при спорадическом схождении объективных и субъективных условий ведёт к новой полномасштабной войне.

Условия, повышающие вероятность войн. Стефан Ван Эвера в своей книге подтвердил множеством примеров следующие тезисы (с которыми вряд ли следует спорить): «Государства воюют тогда, когда считают, что одержат верх, когда они полагают, что преимущество будет на стороне напавшего первым, когда считают, что их относительная мощь снижается [вызов-угроза от усиления державы-претендента – Н. Р.], когда предполагают высокую кумулятив-

ность ресурсов [т. е. захват одного ресурса даёт доступ ко многим другим – Н. Р.] и, самое главное, когда считают, что завоевание будет лёгким. В совокупности эти представления объясняют значительную часть современных войн. При их полном отсутствии война возникает редко» [5, с. 255].

Добавим к этим положениям следующие обобщения из рассмотренных концепций. *Вероятность войны тем выше:*

– чем больше диадных отношений отчуждения и чем больше между ними враждебности;

– чем в большей степени предметы споров обретают не экономический, делимый, а символический, ценностный характер, обусловливающий для противников их достоинство, статус, престиж, уровни легитимности, причастности к святыням;

– чем больше объективных дисбалансов сил между соседями и между соперниками за контроль над спорными территориями;

– чем меньше у противников доступ к информации о силах сторон, а значит больше вероятность субъективного дисбаланса (особенно преувеличения собственной военной мощи);

– чем сильнее связь между легитимностью правителей и возвратом прежних, захватом новых ресурсов (особенно контроля над символически значимыми территориями);

– чем слабее оборонительные союзы, чем в меньшей степени они способны контролировать своих членов, препятствовать их инициативным военным действиям;

– чем менее ясны и строги международные правила и соглашения, направленные на сохранение мира, чем меньше готовность их поддерживать со стороны сильнейших держав.

Конкретные войны возникают вследствие наступления хотя бы одного из следующих комплексов условий:

– сочетание высоких значений некоторых вышеупомянутых факторов для одной из сторон, ведущее к принятию терминальным актором решения начать войну при достаточных административных и силовых ресурсах для его реализации, при отказе сдаться другой стороны (преднамеренные войны);

– сочетание высоких значений некоторых вышеуказанных факторов, приводящее к пошаговой эскалации взаимных вызовов-угроз (непреднамеренные войны).

Какие именно сочетания наиболее опасны – предмет эмпирических исследований, однако некоторые теоретические обобщения уже можно сделать.

Контекст социальных порядков и ментальных забот. Разумеется, наиболее значимые процессы и явления, связанные с войной, включают весь набор аспектов: социальных, ментальных и материальных (техноприродных). Поэтому обсуждение аспектов по отдельности имеет неизбежно условный характер. Скорее, речь будет идти о главенствующей роли процессов каждого из этих аспектов и порядков.

Все *социальные порядки* включают процессы активности обеспечивающих структур в форме *отношений, организаций и институтов*. Учтём здесь только базовые социальные заботы, связанные с социальными универсалиями Вебера – Манна: власть-влиятельность, насилие/безопасность, богатство-благополучие, престиж-достоинство-статус [1]. В общем плане любые изменения в них чреваты дисбалансами.

«Война более вероятна, когда относительная мощь государств резко колеблется, т. е. когда «окна возможностей» и уязвимости велики» [5, с. 4].

Структуры, созданные в разных обществах для обеспечения этих забот, могут быть слишком слабыми, недостаточными. Тогда воинственная риторика, провокации, захват чужих ресурсов, вторжение *могут быть использованы в качестве компенсации*: для восстановления престижа правителя и режима, для укрепления власти внутри и влияния вовне.

В других случаях мощные структуры, обеспечивающие мирные заботы, открывают пути для конвертации накапливаемых ресурсов в военную силу: богатство – для закупки вооружений, технологический потенциал – для их производства, власть – для мобилизации и увеличения армии, международный престиж и влиятельность – для создания военных союзов.

Наличие среди слабых соседей давних соперников, тем более врагов, неизбежно приводит к новым вызовам-возможностям для терминального актора, если он не отягощён миролюбием и уважением к международному праву: повысить могущество державы и свой престиж «маленькой победоносной войной».

Действительно, если война входит в арсенал ответов актора на вызовы-угрозы и вызовы-возможности, то при отсутствии достаточных внутренних запретов (моральных, правовых, политических) и внешних запретов (со стороны влиятельного союзника или сильнейшей коалиции) объяснять следует уже не развязывание войны, а то, *почему в таких обстоятельствах она не была развязана*.

Чем крупнее организация с функциями насилия, тем длиннее иерархическая цепочка командования, тем слабее чувства эмпатии, солидарности между представителями разных уровней, тем легче руководству принимать решения, предполагающие большие жертвы среди подчинённых (ср. с «железным законом олигархии»).

Затруднительно рассуждать отдельно о *техноприродных факторах войн*, поскольку их действие всегда опосредовано социальными отношениями и ментальностью участвующих индивидов и групп. Всё же отметим, что демография, плотность населения, половозрастной состав, особенно доля молодых мужчин, распределение их в географическом пространстве – это характеристики не только живых людей как социальных личностей и индивидов с ментальностью, но и их вполне материальных тел с физиологией, потребностями и гормональным статусом. При добавлении сюда оружия и боеприпасов, фортификаций, дорог, средств транспорта и связи, естественных и искусственных преград, природных ландшафтов с климатом и погодой, получаем *материальные обстоятельства* военной сферы. Стороны конфликта лучше или хуже их учитывают, но данные условия биотехносферы в любом случае влияют на ход событий, даже когда их вовсе не принимают во внимание правители и военные.

Говоря об «арсенале ответов», «учитывании», «внимании», мы уже перешли к *ментальным порядкам*. Войны начинаются, когда терминальный актор *принимает решение о начале организованных военных действий*, а соответствующие вооружённые группы этому решению подчиняются. Все такие решения принимаются только в сложившихся *социальных обстоятельствах* (см. выше), которые, однако, всегда понимаются через *наличные познавательные средства*: мифологические и религиозные символы, коды, понятия, схемы, фреймы,

нарративы. Именно в этих схемах с внутренней связкой «вызов—ответ» заключается *когнитивный аспект причины любой войны*: на такие угрозы отвечать такими-то военными действиями, такие-то привлекательные цели реализовывать такой-то формой вооружённого насилия.

Нет сомнений, что наряду с когнитивными средствами в принятии решений о начале действий, чреватых войной, всегда участвуют *нормативные и ценностные установки* как субъективные ипостаси базовых забот (о власти, безопасности, богатстве, престиже) или производных от них забот.

Такие решения всегда имеют не только практический, управленческий аспект (что, когда, где, кому и как придётся делать), но и эмоциональный, а значит ритуальный. Если исключить редкие случаи предельного легкомыслия, когда риски последствий вообще не принимаются во внимание, то следует признать присутствие взвешивания, споров, сильных эмоций (аффектов), связанных с символами как значимой ритуальной части в процессах принятия такого рода решений. На стороне начала военных действий и на стороне отказа от них всегда присутствуют базовые заботы и соответствующие установки, которые сформировались в цепочках прошлых ритуальных обсуждений военных событий [6].

Динамика и прекращение войн: общие принципы. Начавшаяся война, если не привела к быстрой победе, то усиливает решимость сторон продолжать воевать («война сама себя питает»). Месть за убитых товарищей на нижних уровнях военной организации, вызов профессиональному самоутверждению для офицеров и генералов, страх утратить легитимность для политического руководства – всё это мотивирует стороны расширять военные действия, привлекать новые ресурсы, создавать коалиции. Таков широко известный «капкан войны» – войну гораздо легче начать, чем завершить.

Чем дольше длится война и чем она более разрушительная, тем сильнее становятся заботы безопасности среди участников и наблюдателей; соответствующее повышение *спроса на порядок* ведёт к росту *предложения порядка* [7] – усилению прежних и/или созданию новых средств и организаций насилия как *обеспечивающих структур военных забот*.

При примерном равенстве сил проигрывает войну та сторона, чья организационная структура быстрее распадается [8]. Как правило, на проигрывающей стороне складывается мегатенденция «Колодец» – контуры положительной обратной связи между трендами разрушения логистики и координации действий, роста масштаба потерь, ухода союзников. На стороне успешно наступающего будущего победителя формируется мегатенденция «Лифт» – контуры положительной обратной связи между трендами подъёма боевого духа, успеха манёвров, огневого поражения, поддержки союзников (см. о мегатенденциях [9, с. 23–40]).

Победители в войнах, как правило, обретают высокую легитимность, преобразуют соответственно своим интересам, заботам, идеям внутренние и международные порядки в зонах своего могущества и влияния [7]. Державы получают военный отпор и проигрывают, если их действия, политика, порядки противоречат базовым заботам, ценностям других держав, способных объединиться в коалицию и обладающих преимуществом в геополитических ресурсах (богатстве и населении) [10, с. 81–89].

Войны также заканчиваются при примерном паритете сил и уровне истощения, когда ни одна сторона не видит возможности победить, после чего открываются возможности для переговоров, заключения мира или перемирия.

Долгий мир ослабляет заботы о безопасности – снижает спрос на порядок у тех, кто обеспечивает базовые заботы мирными средствами [7]. Соответственно, в таких обществах снижаются инвестиции в оборону, они становятся или кажутся более слабыми, и нападение на них становится вызовом-возможностью для держав-претендентов – потенциальных агрессоров.

Роль войн в коэволюции трёх порядков. История каждого общества включает последовательность сменяющих друг друга *фигураций* — относительно стабильного единства «прилаженных» друг к другу *социального, ментального и техно-природного порядков* [11]. Поскольку эти фигурации сменяются вместе со своими порядками, то резонно говорить о коэволюции этих порядков.

При рассмотрении множества обществ выявляются общие черты их фигураций, соответственно можно говорить о фазах соци-

ального развития (дикость-первобытность, варварство, ранняя, зрелая государственность, этапы модернизации) и переходах между фазами [12; 13]. Таков первый уровень – *коэволюция порядков внутри каждого общества*.

Поскольку в фигурациях каждой фазы есть сходство между порядками разных обществ, причём не только в политическом устройстве, но и в ментальных структурах, в типах технологий, то понятие «коэволюция порядков» вполне применимо к системе международных отношений. Когда населённый мир был разделён на несколько относительно изолированных макрорегионов с миросистемами (мир-империями, геополитическими ойкуменами, мир-экономиками, цивилизациями), в каждом происходили отдельные коэволюции. Таков второй уровень – *коэволюция порядков внутри каждой миросистемы*.

По мере усиления связей – военных и колониальных, торговых, культурных – и особенно с XX в., двух мировых войн и их последствий (создания Лиги Наций, позже ООН), обширных революционных волн [14] и глобализации стал складываться третий уровень – *глобальная коэволюция порядков*.

Были такие времена и такие общества, когда регулярные войны, либо завоевательные, либо малые по окраинам, составляли ординарную часть порядков, прежде всего социального и ментального.

Рассмотрим в контексте трёх уровней коэволюции порядков (условно национальный, миросистемный, глобальный) наиболее крупные войны, которые не являются частью порядков, но существенно меняют их, а значит, *служат факторами смены фигураций*.

Каждая такая война составляла кризисный период в коэволюции порядков каждой воюющей стороны и части задействованной международной системы. «Кризисность» означает, что *привычные ответы на вызовы-угрозы оказывались неадекватными* и только усугубляли напряжения, ухудшали параметры предметов забот и требовали ответов нового типа.

Поиск таковых ответов бывает успешным, тогда они превращаются в *новые обеспечивающие структуры*: армии, способы их ресурсного и кадрового обеспечения, военные союзы, международные конференции и постоянные организации с функцией

разрешения конфликтов. Победившие государства становятся *гегемонами*, начинают доминировать, т. е. принудительно навязывать свои порядки, и/или *лидерами*, когда их соседи и союзники склонны реформировать свои порядки по привлекательным образцам такой державы [7].

Если *ответы* правителей и элит продолжают быть *неадекватными*, то такие государства проигрывают войны. В этих случаях они могут попасть в подчинение завоевательной империи, претерпеть революцию или распасться. Лишь в периферийных, никому не интересных анклавах могут консервироваться прежние порядки проигравшего крупную войну общества. В столицах, крупных городах и богатых провинциях следует ожидать поиск новых форм, скорее всего, близких к порядкам обществ-победителей в крупных войнах.

Как видим, полномасштабные войны не «выбиваются» из логики коэволюции, тем более не останавливают её. Наоборот, каждая такая война служит могучим драйвером смены порядков и фигураций. Более того, *подъём общества на каждую новую ступень* социальной эволюции [12; 13], как правило, происходил *вследствие серии крупных войн*, к которым в эпоху модернизации добавились *революционные волны*, что составило периоды турбулентности [14].

Хорошо видимы и известны послевоенные смены социальных порядков во внутренней политике, экономике, сословной и классовой структуре, в международных отношениях. Существенно обновлялись техноприродные порядки: бурное развитие вооружений, фортификаций, военных производств, добычи сырья, особенно руды, угля, нефти.

Несколько слов нужно сказать о не столь очевидных изменениях в ментальных порядках после крупных, прежде всего оборонительных отечественных – «экзистенциальных» – войн. В таких обществах меняется структура исторического времени, которое распадется на «до войны» и «после войны». Перестраиваются иерархии приоритетов, сакральности в круге символов данной культуры. Всё ассоциируемое с победой возвышается, в том числе правители, их династии, тип режима, идеологии. Ассоциируемое с поверженным опасным врагом воспринимается как изначально порочное и злое. Сокрушительные поражения неред-

ко раскалывают общества, разделяя их на движения реванша, в которых причинами поражения считаются «предатели», и движения обновления (реформ, революций), в которых поражение связывается с пороками политического устройства, требующего радикального демонтажа, перестройки, или с негодной властной верхушкой, которую необходимо свергнуть.

Все эти изменения касаются не только идей и мыслей, но и *установок*, регулирующих поведение индивидов и групп. Соответственно происходят множественные *ритуалы рефрейминга*, включающие потоки письменного и устного дискурса. Если в обществе не удаётся достигнуть хотя бы базового согласия относительно смысла прошедшей войны в связи с актуальными социально-политическими проблемами, то в последующей фигурации (относительной стабильности порядков) сохраняется ментальный и социокультурный раскол.

Во враждебных друг другу больших группах воспроизводятся свои интерактивные ритуалы, подкрепляющие чувства и установки. Последние обычно включают прямые выводы из осмысления прошедшей большой войны, соответствующую приверженность определённым лидерам, идеологиям, партиям при полном неприятии их противников.

Заключение. Глубинные причины, предпосылки насилия и войн остаются в природе человека и природе обществ, а при отсутствии институтов, налаженных практик бдительного контроля и блокирования эти причины вполне могут сойтись вместе, усилить друг друга и привести к новой войне

[15; 16]. Обобщение концепций причинности войн и эмпирических наблюдений за войнами в истории подтверждает этот тезис [17; 18]. Никогда не исчезнут стремления групп, политических сообществ, держав к успеху, престижу, доступу к ресурсам, к тому, чтобы одерживать верх над соперниками. Значит, неизбежно будут возникать новые дисбалансы, напряжения, конфликты. Никакой правовой порядок их не отменит. Можно рассчитывать лишь на сохранение мирных и правовых рамок при разрешении такого рода проблем [19].

Чем более разрушительны и масштабны войны, тем с большей вероятностью рушатся те фигурации и их порядки, при которых лидеры и элиты оказались не способны к адекватным ответам на военные вызовы. Таким образом становятся гораздо более интенсивными процессы отбора обеспечивающих структур, порядков и охватывающих их фигураций. Иными словами, войны, именно благодаря своей безжалостной разрушительной силе, становятся мощными ускорителями социальной эволюции¹.

Построенный концептуальный аппарат, сформулированные принципы и идеи целостной динамической модели возникновения, протекания и завершения войн предназначены для более глубоких теоретических и эмпирических исследований в этой важной и актуальной предметной области. Кроме того, они должны способствовать анализу, проектированию и реализации таких объективных и субъективных условий, которые пусть не обеспечат пресловутый «вечный мир», но сведут к минимуму факторы возникновения новых войн [20].

Список литературы

1. Манн М. Источники социальной власти. М.: Дело, 2018. Т. 1. 758 с.
2. Скиннер Б. Радикальный бихевиоризм. М.: Еврознак, 2007. 120 с.
3. Канеман Д. Думай медленно... Решай быстро. М.: AST, 2014. 653 с.
4. Levy J. S., Thompson W. The Arc of War. Chicago: Chicago University Press, 2010. 281 p.
5. Van Evera S. Causes of war: Power and the roots of conflict. Ithaca: Cornell University Press, 1999. 268 p.
6. Collins R. Interaction Ritual Chains. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2004. 464 p.
7. Модельски Дж. Объяснение долгих циклов в мировой политике: основные понятия. Война и геополитика // Альманах «Время мира». Новосибирск: НГУ, 2003. Вып. 3. С. 455–485.
8. Collins R. A Dynamic Theory of Battle Victory and Defeat // Clidynamics: the Journal of Theoretical and Mathematical History. 2010. No. 1. P. 3–25.
9. Розов Н. С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М.: РОССПЭН, 2011. 735 с.
10. Коллинз Р. Макроистория. Очерки социологии большой длительности. М.: УРСС, 2015. 499 с.

¹ Сказанное отнюдь не означает совпадения с моральным прогрессом: новые фигурации и порядки могут оказаться не более, а гораздо менее гуманными. Иными словами, защищённость жизни, свободы, достоинства, благосостояния индивидов и групп может не повыситься, а понизиться или вовсе упасть до минимума.

11. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. Т. 1. 332 с.
12. Дьяконов И. М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. М.: КомКнига, 2007. 384 с.
13. Розов Н. С. Философия и теория истории. Кн. 1: Прологомены. М.: УРСС. 2019. 604 с.
14. Handbook of Revolutions in the 21st Century. The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change / eds. J. A. Goldstone, L. Grinin, A. Korotayev. Cham: Springer Nature, 2022. 1048 p.
15. Blattman Chr. Why We Fight: The Roots of War and the Paths to Peace. L.: Penguin Publishing Group, 2022. 400 p.
16. Collins R. Violence: A Micro-Sociological Theory. Princeton: Princeton University Press, 2008. 584 p.
17. Wimmer A. The Waves of War: Nationalism, State Formation and Ethnic Exclusion in the Modern World. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 346 p.
18. Lebow R. N. Why Nations Fight. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 295 p.
19. Annan K. Two concepts of sovereignty. Текст: электронный // The Economist. 1999. P. 49–50. <https://www.economist.com/international/1999/09/16/two-concepts-of-sovereignty> (дата обращения: 25.08.2024)
20. Розов Н. С. Возможно ли верховенство права в геополитике? // Полис. Политические исследования. 2023. № 1. С. 159–172.

Информация об авторе

Розов Николай Сергеевич, доктор философских наук, профессор, Институт философии и права СО РАН; 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8; nrozov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2362-541X>.

Для цитирования

Розов Н. С. Информационно-ментальный и социально-эволюционный контексты динамики войны и мира // Гуманитарный вектор. 2024. Т. 19, № 4. С. 69–79. DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-4-69-79.

Статья поступила в редакцию 18.09.2024; одобрена после рецензирования 22.10.2024; принята к публикации 23.10.2024.

References

1. Mann, M. Sources of Social Power. M: Delo, 2018. (In Rus.)
2. Skinner, B. Radical behaviorism. M: Euroznak, 2007. (In Rus.)
3. Kahneman, D. Thinking. Fast and Slow. M: Evroznak, 2007. (In Rus.)
4. Levy, J. S., Thompson, W. The Arc of War. Chicago: Chicago University Press, 2010. (In Eng.)
5. Van Evera, S. Causes of war: Power and the roots of conflict. Ithaca: Cornell University Press, 1999. (In Eng.)
6. Collins R. Interaction Ritual Chains. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2004. (In Eng.)
7. Modelski, J. Explaining Long Cycles in World Politics: Basic Concepts. War and Geopolitics. Time of peace, vol. 3, pp. 455–485, 2003. (In Rus.)
8. Collins, R. A Dynamic Theory of Battle Victory and Defeat. Cliodynamics: The Journal of Theoretical and Mathematical History, no. 1, pp. 3–25, 2010. (In Eng.)
9. Rozov, N. S. Track and Pass: Macrosociological Foundations of Russia's Strategies in the 21st century. M: ROSSPEN, 2011. (In Rus.)
10. Collins, R. Macrohistory. Essays in Sociology of the Long Duration. M: URSS, 2015. (In Rus.)
11. Elias, N. On the Process of Civilization. Sociogenetic and Psychogenetic Studies, vol. 1, M; SPb: Universitetskaya kniga, 2001. (In Rus.)
12. Dyakonov, I. M. Ways of History. From the Most Ancient Man to Our Days. M: KomKniga, 2007. (In Rus.)
13. Rozov, N. S. Philosophy and Theory of History. Book 1. Prolegomena. M: URSS. 2019. (In Rus.)
14. Handbook of Revolutions in the 21st Century. The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change. J. A. Goldstone, L. Grinin, A. Korotayev (eds.) Cham: Springer Nature, 2022. (In Eng.)
15. Blattman, Chr. Why We Fight: The Roots of War and the Paths to Peace. L.: Penguin Publ. Group, 2022. (In Eng.)
16. Collins, R. Violence: A Micro-Sociological Theory. Princeton: Princeton University Press, 2008. (In Eng.)
17. Wimmer, A. The Waves of War: Nationalism, State Formation and Ethnic Exclusion in the Modern World. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. (In Eng.)
18. Lebow, R. N. Why Nations Fight. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. (In Eng.)

19. Annan, K. Two concepts of sovereignty. *The Economist*, pp. 49–50, 1999. Web. 25.08.2024. <https://www.economist.com/international/1999/09/16/two-concepts-of-sovereignty>. (In Eng.)

20. Rozov, N. S. Is the rule of law possible in geopolitics? *Polis. Political Studies*, no. 1, pp. 159–172, 2023. (In Rus.)

Information about the author

Rozov Nikolai S., Doctoral Degree (Philosophy), Professor, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences; 8 Nikolayev st., Novosibirsk, 630090, Russia; nrozov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2362-541X>.

For citation

Rozov N. S. Information-Mental and Socio-Evolutionary Contexts of the Dynamics of War and Peace // *Humanitarian Vector*. 2024. Vol. 19, no. 4. P. 69–79. DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-4-69-79.

**Received: September 18, 2024; approved after reviewing October 22, 2024;
accepted for publication October 23, 2024.**